

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-2-371-387>

EDN: WQROMB

Научная статья / Research Article

Первое столетие привыкания к идеям Канта в российских университетах

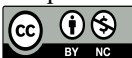
Н.Х. Орлова

Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова,
Российская Федерация, 190068, Санкт-Петербург, Театральная пл., д. 3,
Новгородский государственный университет,
Российская Федерация, 173003, Великий Новгород, Большая Санкт-Петербургская ул, д. 41
 nadinor@mail.ru

Аннотация. Исследование основано на малоизвестном очерке Евгения Александровича Боброва (1867–1933), философа и замечательного представителя российской университетской профессуры конца XIX — первой четверти XX вв. В основе его эссе лежит публичное выступление, которое Бобров произнес в Варшавском императорском университете на торжествах, посвященных столетней дате со дня смерти Канта. В 1904 г. вокруг этой мемориальной даты в российских университетах состоялись торжественные собрания с речами и философскими дискуссиями. Обычной практикой того времени была публикация текстов выступлений в научных журналах и отдельных книгах, что обеспечивало доступ к тексту широкой публике. Благодаря этой традиции истории философии имеют возможность проникнуть в философские настроения и тематическую палитру того времени вокруг имени Канта и его идей. Наш выбор пал на актовую речь Е. А. Боброва, поскольку в своем выступлении он разворачивает перед слушателями/читателями ретроспективу адаптации философии Канта в российском университетском сообществе. Символично, что столетие после смерти Канта скорее можно считать рождением Kantiana в русской философской школе. Этой ретроспективе, как она была проанализирована русскими философами в 1904 г., посвящена центральная часть нашего исследования. Кто из философов считался сторонниками философии Канта, а кто стоял в оппозиции. В заключительной части мы сочли уместным обратить внимание на то, что начало Первой мировой войны в 1914 г. повлияло на тон философских дискуссий вокруг идей Канта. И хотя кантианство активно развивалось в следующее десятилетие 1904–1914 гг., но задача «преодоления кантианства» становится одним из доминирующих направлений критики Канта.

Ключевые слова: русская философия, Российские императорские университеты, университетское философское сообщество, Kantiana, Первая мировая война

© Орлова Н.Х., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Статья поступила 01.12.2023

Статья принята к публикации 31.01.2024

Для цитирования: Орлова Н.Х. Первое столетие привыкания к идеям Канта в российских университетах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024. Т. 28. № 2. С. 371–387. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-2-371-387>

The First Century of Getting Used to Kant's Ideas in Russian Universities

Nadezda Kh. Orlova

Saint-Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory,
3 Teatralnaya Sq., 190068, Saint-Petersburg, Russian Federation,
Novgorod State University,
41 B. Petersburgskaya St., 173003, Veliky Novgorod, Russian Federation
 nadinor@mail.ru

Abstract. The research is based on a little-known essay by Evgeny Alexandrovich Bobrov (1867–1933), a philosopher and a remarkable representative of the Russian university professorship of the late XIX — first quarter of the XX centuries. The essay is based on a public report that Bobrov delivered at the celebrations at the Warsaw Imperial University dedicated to the centenary of Kant's death. In 1904, solemn meetings with speeches and philosophical discussions were held at Russian universities around this memorial date. The usual practice of that time was then to publish the texts of speeches in scientific journals and individual books, which provided access to the text to the general public. Thanks to this tradition, historians of philosophy have the opportunity to penetrate into the philosophical moods and thematic palette of that time around the name of Kant and his ideas. Our choice fell on the speech of E. A. Bobrov, because in his speech he shows for his listeners/readers a retrospective of the adaptation of Kant's philosophy in the Russian universities community. Symbolically, the century after Kant's death can rather be considered as the birth of Kantian in the Russian school of philosophy. The central part of our research is devoted to this retrospective, as it was analyzed by Russian philosophers in 1904. Who philosophers were considered supporters of Kant's philosophy, and who stood in opposition. In the final part, we considered it appropriate to draw attention to the fact that Kantianism was actively developing in the next decade of 1904–1914. But the outbreak of the First World War in 1914 influenced the tone of philosophical discussions around Kant's ideas. The topic of “overcoming Kantianism” becomes one of the directions in the criticism of Kant.

Keywords: russian philosophy, Russian imperial universities, university philosophical community, Kantiana, the First World War

Article history:

The article was submitted on 01.12.2023

The article was accepted on 31.01.2024

For citation: Orlova NKh. The First Century of Getting Used to Kant's Ideas in Russian Universities. *RUDN Journal of Philosophy*. 2024;28(2):371–387. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-2-371-387>

Введение

1904 год был насыщен особым вниманием к фигуре Канта своей мемориальной символикой — столетие смерти одного из ярчайших философов. В университетах и различных общественных собраниях проходили публичные «актовые» выступления профессоров. Их речи тиражировались для широкой публики на страницах журналов и отдельными брошюрами¹. Сегодня для историков философии они дают богатейший материал для понимания атмосферы дискуссий вокруг идей Канта в профессиональном университетском сообществе и замечательно отражают особую моду на Канта в русской философии того времени. С заметно меньшим вниманием в тот год отнеслась университетская профессура к столетнему юбилею Алексея Степановича Хомякова (1804–1860), место которого Н. Бердяев обозначил как — «теоретический глава славянофилов» и «один из крупнейших русских умов». Подчеркивая в том далеком 1904 году значение Хомякова, Бердяев пишет: «Русская философская мысль стоит теперь на распутье и ей следует помнить, что есть пути уже пройденные и ведущие в пустыню. Таковы пути рационализма, путь кантианства, с роковой неизбежностью ведущий к гегельянству, упирающемуся в ничто или призрачное вещество. <...> Наша философская мысль вступает на этот путь, и в момент ее подъема не мешает вспомнить о первом русском мыслителе, указавшем верный путь нашей самостоятельной философии, — об А. С. Хомякове» [8. С. 21]. Судя по публикациям, датированным юбилейным годом, вспоминали его, скорее камерно, и более — религиозные и общественные деятели. Практически незамеченным осталось и столетие со дня рождения Людвиг Фейербаха (1804–1872), о котором в словарной статье И.И. Лапшин пишет, как о замечательном немецком философе, значение «яркой и своеобразной индивидуальности» которого «и после смерти подвергается систематическому замалчиванию со стороны представителей официальной науки» [9. С. 427]. В этом смысле Канту «повезло» больше: его имя и идеи к 1904 г. заняли свое прочное место в русской философской литературе и в университетских аудиториях. Этому, накопленному за столетие кантианскому фонду, и посвящен очерк профессора Варшавского императорского университета — Евгения Александровича Боброва², — который был опубликован, вероятно, после официального мероприятия, посвященного памяти Канта [12]. Из преамбулы узнаем, что выступающие говорили об идеях и истории Кантовой философии в Германии и в целом в Западной Европе, но «не успели коснуться» судьбы «Кантовых идей»

¹ См, напр.: [1–7].

² О профессоре Боброве см.: [10; 11].

в России [12. С. 2]. Хотя Бобров не ручается за полноту библиографического обзора по причине отсутствия в Варшаве «больших и старых библиотек», в очерке достаточно полно представлена палитра Kantiana в России за столетие. В нем не только указаны основные сочинения его коллег по университетскому цеху, но показано, какие моды задавали тон в отношении к идеям Канта. Оговорюсь, что также не ставлю перед собой миссию достичь предельной полноты библиографического обзора, хотя современный интернет обеспечивает вполне комфортный доступ к библиотечным ресурсам самых отдаленных библиотек мира. Есть немало исследований, в которых ставилась и решалась такая задача. В том числе, и в контексте раннего российского кантиковедения³. Наша задача скромнее, а именно, опираясь на упомянутый очерк «очевидца» и замечательного представителя университетского философского цеха, в некоторой степени окунуться в атмосферу «столетия» имени Канта как некой личной истории русской философии⁴.

Столетие привыкания к Канту в российских университетах

Очерк Боброва начинается с сожаления о том, что «русский губернатор Кёнигсберга, барон (Н.А.) Корф не сумел провидеть в бедном приват-доценте гения» [12. С. 2]. Отдав это место конкуренту Канта, «некоему» Буку⁵, который, как уверен Бобров, был в научном отношении «ничтожеством», Корф лишил историю философии «прекрасного воспоминания» навсегда вписать в летопись, что «именно *русское* правительство извлекло Канта из нужды» [12. С. 2]. Мы склонны полагать, что автор очерка был субъективен в своем недоверии к научной компетентности Бука⁶. Скорее всего, кандидатура Канта была в тот момент менее привлекательной для решения сугубо университетских задач. О том, что Ф. И. Бук занял позицию заслужено, читаем у Круглова: «Он был любимым и самым главным учеником профессора М. Кнутцена, у которого учился и Кант. Бук после смерти Кнутцена стал вести все его курсы. Он больше времени провёл в университете, у него был большой стаж» [17]⁷. Сошлюсь также на материалы статьи, специально посвященной фигуре Бука [19].

Тема связи с Россией в биографии Канта подчеркивается и тем, что «главнейшие сочинения Канта, а именно, три его бессмертные “Критики” были напечатаны в России» (в Риге и Либаве), и тем, что родной брат философа, Иоганн-Гейнрих Кант (1736–1800) до конца жизни служил в России; с его правнуком, как вспоминает Бобров, он 30 лет тому назад «в училище сидел на одной скамье и рядом» [12. С. 3].

³ См., например: [13; 14].

⁴ Перу Боброва принадлежит также философский этюд о Канте. См.: [15].

⁵ Friedrich Johann Buck (1722–1786) — немецкий философ и математик.

⁶ Возможно, такой тон задается более ранними биографическими статьями о Канте. См., например: [16].

⁷ См. также: [18].

Открывая именем Якова Рубана (первого переводчика Канта) список тех, кто внесли вклад в распространение идей Канта, Бобров подчеркивает, что среди «распространителей» были и те, кто стоял далеко от университетской философии. Как, например, «самоучка-купец» И.Д. Ертов⁸. Для университетов же было характерно, что в аудитории философия Канта проникала первоначально через немецких приглашенных профессоров. Но с самого начала университетское сообщество делилось на почитателей идей Канта и его противников. Бобров дает обзор настроений в философском сообществе Дерптского, Московского, Харьковского и Казанского университетов. Будем и мы придерживаться этой логики.

В Дерптском университете с самого его основания первым профессором философии был богослов и философ Готтлиб Бенъямин Йеше (Jäsche)⁹, который слушал лекции самого Канта, а также, благодаря его протекции, получил в Кёнигсбергском университете место приват-доцента по философии. В 1802 г. Йеше перешёл в только что открытый Дерптский университет ординарным профессором философии и служил там почти сорок лет. Он не только был верен во всех своих сочинениях и лекциях идеям своего учителя, но и категорически не принимал новейших мод на Шеллинга и Гегеля. Так что, благодаря Йеше, вся молодёжь, учившаяся в Дерпте, воспитывалась строго в духе Кантовых идей. Правда, как пишет Бобров, «Дерптский университет, давший столько отличных и качественных учёных в области всяких наук, не выпустил ни одного замечательного философа. Но воспитание массы университетской дерптской молодёжи почти всю первую половину XIX в. было кантовское, и это влияние усиливалось еще тем, что лекции философии были обязательными для студентов всех факультетов» [12. С. 5].

В Московском университете включение философии Канта в аудиторные программы также связывают с именем немецкого профессора (с 1792 г.) — Иоганна Вильгельма Людвига Мельмана (1765–1795), который был приглашен из Геттингена по рекомендации Христиан Готтлиб Гейне (1729–1812). Бобров относит Мельмана «к числу наиболее ранних и рьяных и вместе с тем наиболее несчастных распространителей учений Канта на Руси». Преданный его ученик своею «горячей приверженностью к его философии навлек на себя злую беду» [12. С. 5].

Описание этой трагической для Мельмана истории, отсчет которой обычно ведут с его визита в январе 1795 г. к Московскому митрополиту Платону (Левшину), встречаем в большинстве биографических справок о Канте. В них, однако, разнятся детали о роли ее участников. В подробном пересказе

⁸ Ертов Иван Данилович (по др. данным — Давидович) (1777–1828) — русский самоучка, космогонист и философ деистического направления.

⁹ Готтлоб Вениамин Йеше (нем. Gottlieb Benjamin Jäsche; 1762–1842) — немецкий философ, теолог, историк, профессор теоретической и практической философии Тартуского университета (Дерптского). Ученик Канта, издатель его лекций по логике (так называемая «Логика Йеше»).

Боброва подчеркивается, что тональность спора с митрополитом была вполне миролюбивой, «но присутствовавший при диспуте коллеги Мельмана по университету, профессор Х.А.Чеботарев счёл своим долгом сделать донос по начальству — и завязалось горячее дело» [12. С. 5]. В статье коллеги А.Н. Круглова приводятся некоторые детали о роли участников этой истории. Замечу, что в ней не подчеркивается роль «доноса» профессора Чеботарева¹⁰.

Из документов, опубликованных позже в «Чтениях в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» [21], мы также видим, что встреча у митрополита стала роковой по вине именно коллег по университету. В одном из объяснений самого Мельмана читаем: «Надобно думать, что были неблагомыслящие люди, кои воспользовались сим случаем, чтобы меня от Университета удалить. <...> Митрополит сожалели о том, что вредил случайным образом; что он на меня не приносил жалобы» [21. С. 103]. Как известно, Мельман лишился работы и, будучи выслан из России, скоропостижно ушел из жизни. Его преемник по кафедре, ординарный профессор, Павел Афанасьевич Сохацкий (1766–1809) также тяготел к идеям Канта. Он не только придерживался его философии в своих сочинениях, но и активно ее популяризировал, читая публичные лекции о Канте. В Московском университете служил еще один активный «распространитель» философии Канта — Иоганн Феофил (Готлиб) Буле (1763–1821)¹¹, которого Бобров называет «одним из замечательных учёных своего времени» [12. С. 5]¹². Московский период бурной профессорской и издательской деятельности в 1811 году Буле сменил на почти провинциальную жизнь, заняв место библиотекаря, правда, при Великой Княгине Екатерине Павловне, проживавшей в Твери.

В Харьковском университете Kantiana также связана с именем одного из «ревностнейших в Германии приверженцев Канта» — Людвиг Гейнриха Якоба¹³, который был современником момента появления «критической философии» Канта и «преданнейшим ее последователем» [12. С. 9]. Этой фигуре Бобров уделил специальное внимание в своем шеститомном труде «Философия в России» [23]. Он отмечает, что Якоб был весьма «энергичским и полезным популяризатором философии Канта» [12. С. 10]. Это позволило ему быстро приобрести себе громкое имя и успешную карьеру в Галльском университете. Когда в ход жизни вмешалась война с Наполеоном, и университет закрылся, Якоб «согласился ехать в далёкую и неизвестную ему Россию, а именно принял приглашение в новый Харьковский университет на кафедру дипломатики и политической экономии (в 1807 г.)» [12. С. 11]. Для Харькова это «приобретение было весьма ценным», поскольку Якоб был

¹⁰ См.: [20].

¹¹ О нем см.: [20].

¹² Бобров полагает, что Буле был приглашен в Москву по протекции своего дяди Ивана Андреевича Гейма (1759–1821) — ректора Московского университета.

¹³ О нем см.: [22].

тогда «научной звездой первой величины» с большим преподавательским опытом. Оговариваясь, что Якоб не обладал самостоятельным мышлением, Бобров, однако, признает за ним талант плодовитого писателя и популяризатора, что обеспечивало широкую «пропаганду» философии Канта. И хотя собственно преподаванием Якоб был занят только два года, после чего по приглашению Сперанского перебрался в Петербург, но в харьковский период он сыграл важную роль «для истории Кантовой философии в России» тем, что составил философские учебники для русских гимназий [24]¹⁴.

«Курс философии» для гимназий, был составлен Якобом на немецком языке; состоял из 8 томов и включал в себя логику, всеобщую грамматику, опытную психологию, нравоучение или нравственную философию, эстетику, умозрение словесных наук (риторику и пиитику), естественное и народное право, политическую экономию (народное хозяйство). На русский язык курс философии был переведён профессором Петербургского университета Никитой Ивановичем Бутырским (выходил в восьми частях с 1811 по 1817 гг.), и рекомендован Главным Правлением училищ для введения в гимназии в качестве обязательного руководства. Таким образом, пишет Бобров, «все русской юношество, благодаря курсу Якоба, стало довольно подробно знакомиться с основными философскими идеями Канта ещё на гимназической скамье» [12. С. 12].

Как известно, в Харьковском университете против идей Канта в эти годы горячо выступал профессор математики Т.Ф. Осиповский. В своих актовых речах «О пространстве и времени» (1807) и «Рассуждение о динамической системе Канта» (1813) он критиковал Канта довольно воинственно. В одной из актовых речей он едко замечает: «Если вы слышите или читаете, что философ природы постановляет а priori какой либо закон ее, то буде он не доказывает его с математической строгостью, не полагайтесь на слова сего философа с искренней к нему доверенностью как бы сей закон не обворожал воображение, но испытайте прежде его на оселке строгости математической, и тогда только считайте его вероятным, когда он выдержит сию пробу» [25. С. 11]. И все же, так называемые «кантианские учебники философии Якоба» были «изгнаны» много позже, лишь к концу царствования Императора Александра Павловича.

История с «системой Канта-Якоба» имела скандальное продолжение в Казанском университете, где имя Канта, как полагает Бобров, впервые звучит публично 5 июля 1814 г. в день торжественного открытия университета в актовом зале профессора словесности Василия Матвеевича Перовщикова, причем высказался он против Канта [26]. Из философского цеха противниками Канта выступали в Казанском университете также Лев Семенович Левицкий (1772–1807), Карл Федорович Фойгт (Карл Теофилус) (1760–1811), Александр Степанович Лубкин (1771–1815). Последнему принадлежит несколько

¹⁴ В 1816 г. Якоб покинул Россию.

критических статей о философии Канта¹⁵. После смерти Лубкина его преемником стал Осип Евсеевич Срезневский — «ревностный кантианец, с которым философия Канта водворилась в Казани» [12. С. 14]. И это был уже «не заезжий немец-кантианец». В 1817 г. Срезневский произнес актовую речь, написанную в духе кантианства, в которой он защищал этику Канта от упреков в безбожии [28].

Приехавший через два года в Казанский университет с ревизией М.Л. Магницкий забил тревогу по поводу чрезмерной увлеченности Кантом в преподавательской среде¹⁶. История растянулась на несколько лет, в течение которых были уволены несколько профессоров, в том числе и Срезневский. Позже досталось и самому Магницкому. О чем свидетельствует, например, обращение профессора Петербургского университета Лодия Петра Дмитриевича к министру народного просвещения Александру Семеновичу Шишкову (1754–1841). В нем о системе работы попечителя Казанского университета М.Л. Магницкого пишется в категориях вредительства. «Долг совести и присяги в верности службы данная мною благочестивейшему Государю Императору Александру Павловичу благословенному Венценосцу России понуждают меня всепокорнейше представить Вашему Высокопревосходительству как блюстителю вверенного Вам народного Просвещения важные обстоятельства, которые, по моему мнению, могут иметь вредные последствия для всего народного Просвещения в России, в противность высочайше утвержденного постановлением» (10 ноября 1825 г. СПб) [30]¹⁷. Заметим, что Лодий хорошо знал идеи Канта и, хотя не был их рьяным апологетом, ссылаясь на них в своем учебнике, который по ходатайству именно Магницкого ранее был запрещен без права переиздания.

Как видим, начало увлечения Кантом в российских университетах сопровождалось не только появлением переводов его сочинений на русский язык, включением его идей в учебники, но и жестким противостоянием, ведущим порой к личным трагедиям в судьбах профессоров.

Согласно краткой летописи Боброва, этот начальный период завершился в двадцатые годы XIX в., и, как он пишет, о Канте «начинают забывать». Набирают силу новые моды. Сначала «под влиянием проповеди» профессоров Даниила Михайловича Велланского (Петербургская медико-хирургическая академия), Александра Ивановича Галича (Петербургский университет), Михаила Григорьевича Павлова (Московский университет) общество и молодёжь начинает увлекаться Шеллингом. Затем «шеллингианские влияния в середине 30-х годов сменяются *гегельянством*», которое «царило среди русской интеллигенции довольно устойчиво до конца сороковых годов» [12. С. 16]. В пятидесятые годы набирает силу мода на идеи позитивизма и

¹⁵ Об этом см.: [27].

¹⁶ Михаил Леонтьевич Магницкий (1778–1844). О нем и этой громкой истории см. подр.: [29].

¹⁷ Автор документа в описании указывается как профессор юридических наук Казанского университета.

«даже голого материализма». Но, как уточняет Бобров, «забывание» Канта не было тотальным. Историография кантианы показывает, что в России изучением идей Канта продолжали заниматься вполне авторитетные философы и богословы. Бобров в этом ряду называет имена профессоров Московского университета Николая Ивановича Надеждина и Памфила Даниловича Юркевича, профессора Киевской духовной академии богослова Ивана Михайловича Скворцова, профессора Киевского университета Сильвестра Сильвестровича Гогоцкого. Продолжаются и переводы Канта, к которым причастна профессура, что позволяет говорить о доступности текстов для широкой студенческой аудитории.

А затем начинается возрождение интереса к философским идеям Канта «в виде так называемого *новокантианства*», которое, начинаясь в Германии в 1850-е, докатывается до «русской научной литературы только приблизительно на переломе семидесятых годов к восьмидесятым» [12. С. 17]. Бобров объясняет это тем, что «социализм и материализм, почти безраздельно влиявшие на умы русской молодёжи в 60-е и 70-е гг., долго не допускали отзвука *новокантианства*» [12. С. 17].

Кантовский ренессанс спровоцировал широкую писательскую активность и дискуссии вокруг его имени и идей. Отныне без обращения к Канту не мыслится никакая тема. Владимир Соловьёв в словарной статье о Канте напишет: «Все недостатки содержания и изложения у Канта не могут затмить его великих заслуг. Он поднял общий уровень философского мышления <...> Философия Канта (в особенности “Критика чистого разума”) произвела сильнейшее движение умов и вызвала необъятную литературу» [31].

По мысли Боброва «самым замечательным откликом германского *новокантианского* движения у нас, в России, надобно считать превосходную книгу А.А. Козлова, профессора философии в Киевском университете» [12. С. 17]. Речь идет о его докторской диссертации [32]. Отзывы о ней как о сочинении, которых «немного и в западноевропейской философской литературе». Главная заслуга и оригинальность Козлова виделась в том, что он ставил задачу показать основания для идей Канта в предшествующих философских системах. В исторической ретроспективе он дает «полную картину развития в западноевропейской новой философии — двух важнейших идей Канта — пространства и времени; а эта историческая перспектива единственно только и делает возможной правильную оценку значения деятельности Канта» [12. С. 17–18]. К кантианскому направлению Бобров относит магистерскую диссертацию архимандрита Антония Храповицкого о психологических основаниях свободы воли и нравственной ответственности (1887) и диссертации Георгия Ивановича Челпанова, посвященные вопросам восприятия пространства в связи с учением об априорности (1896 и 1904)¹⁸.

К рубежу XIX–XX столетий университетское философское сообщество приближается с основательной библиотекой *Kantiana*. Среди авторитетных

¹⁸ Челпанову принадлежит обзор литературы об эстетике Канта. См.: [33].

знатоков Канта были как те, кто не мыслил философию без учета «кантианского духа», так и те, кто были «не особенно расположены к кантианству». Образцом «присяжного новокантианца» Бобров называет профессора Петербургского университета Александра Ивановича Введенского. Известна острая полемика между ним и профессором Петербургской Духовной Академии Михаилом Ивановичем Каринским по вопросу о понимании гносеологических воззрений Канта. В 1894–1895 гг. она развернулась на страницах «Вопросов философии и психологии» (Кн. 22, 25, 26, 27, 28, 29) и «Журнала Министерства Народного Просвещения» (№1/2). Их полемические реплики выходили и отдельными книгами. Один из учеников Каринского, профессор Петербургской Духовной академии Виталий Степанович Серебренников считал, что труды его учителя «должны разбудить мысль от догматического сна, навеянного Кантом» [12. С. 19].

Бобров завершает обзор университетской Kantiana вкладом в нее преподавателей Варшавского Императорского университета, к цеху которого принадлежал сам с 1903 г. Он пишет, что и в Варшаве «среди местных русских находились люди, занимавшиеся Кантом и писавшие о нем» [12. С. 20]. В этом списке приводятся имена Владимира Александровича Фляксбергера, которому принадлежали две работы о Канте [34; 35], и Константина Григорьевича Воблого с его работой о проблеме воспитания по Канту [36]. О себе Евгений Александрович Бобров говорит, как о том, чьи взгляды формировались под влиянием профессора Дерптского университета Густава Тейхмюллера — «одного из самых ожесточённых противников и новокантианства, и самого Канта» [12. С. 18]. Тейхмюллер подвергал «беспощадному осмеянию и систему, и самую личность Канта со всеми его известными чудачествами» [12. С. 18].

В 1911 г. Бобров в своем этюде о Канте напишет, что «дорогу для построения критического мировоззрения очистил Декарт своим полным и абсолютным сомнением не только относительно качеств внешних вещей, но и самого бытия внешнего мира» [15. С. 8]. Далее ее торили Локк, Беркли, Лейбниц, Юм... За Кантом можно признать лишь изобретение «хитрой, замысловатой и причудливой» архитектоники, но, увы, она «не имеет научного значения». Главный упрек Канту в том, что он «плохо знал историю философии, почти совсем не знал греков и упустил из виду Аристотеля, давным-давно с изумительной гениальностью и остроумием разрешившего эту задачу сочетания идеализма с безграничной эмпирией» [15. С. 15]. В этом «непростительный грех» и «общая ошибка», которые вели к «неопределенности» и «шаткости» философской системы Канта. Подводя итог своего обзора о «важнейших моментах в истории кантианства на Руси», Бобров подчеркивает, что на протяжении ста лет идеи Канта «не оставались для русских неизвестными», но, однако влияние их на русскую философию преувеличено [12. С. 20].

Возможно, с точки зрения современного уровня исследований историко-философский обзор Боброва может вызвать упреки в неточностях, в том

числе, и в расстановке акцентов о роли тех или иных университетских профессоров. Бобров и сам оговаривается, что не претендует на предельную полноту своего обзора. Мы же подчеркнем, что для 1904 года и для одного из первых опытов подобного рода сочинение Боброва поражает своей добросовестностью, эрудицией и основательностью¹⁹. Очевидно, что его обзор замечательно отражал сложившиеся к тому времени в философском сообществе ощущения, как и в каких координатах должна отныне развиваться историография кантоведения.

В качестве эпилога

Очевидно, что к 1904 году философия Канта прочно заняла свое место в трудах русских философов, в университетских аудиториях и в научных дискуссиях. И в следующее десятилетие, как показывает корпус публикаций²⁰, интерес к нему не ослабевал и обещал в 1914 году еще более масштабные мемориальные мероприятия, посвященные Канту. Но вмешалась драма Первой мировой, которая безусловно повлияла на то, как осмысливалась немецкая философия. В.В. Зеньковский в своих размышлениях об угрозах «великой войны» для «истинной культуры», подчеркивает, что мировая война внесла существенные изменения в духовную жизнь русского философского общества. Имя Канта в одном ряду с Лютером, Кальвином, Марксом и другими именами тех, кого именуют «жрецами» новейшего европейского [37. С. 111]. Отношение к Германии, а вслед за этим и прежнее увлечение немецкой философией подвергается ревизии. Ярким примером можно считать статью В.Ф. Эрн «От Канта к Крупу» [38], в которой «проводилась мысль о внутренней связи критического и механической цивилизации, в том числе артиллерийских заводов» [39. С. 113].

Известная речь Эрн, которая была произнесена в Петрограде (26 ноября 1914 г.) и Москве (29 января 1915 г.) вызвала жаркие дискуссии. Эрн категорически настаивал, что войной «лик „народа философов“ искажился звериной жестокостью» [38. С. 116]. И немецкие философы несут за это ответственность. Свою речь Эрн называет «страстным протестом» против попыток его оппонентов снять вину с Канта и Фихте. Он убежден, что «бурное возрастание германизма предрешено *Аналитикой* Канта» и что «орудия Круппа полны

¹⁹ Сейчас мы готовим очерк Е.А. Боброва в полном объеме с нашими комментариями для публикации в весеннем выпуске философско-культурологического альманаха «Парадигма».

²⁰ Мы ориентируемся на список публикаций, который основывается на библиографическом указателе русскоязычной литературы о Канте за период 1803–1994 гг. (сост. Л.С. Давыдова, 1996) и представлен на сайте Интернет-портала Academia Kantiana, посвященного философии Иммануила Канта. Заслуживает отдельного объемного анализа их тематическая полифония, в том числе и в контексте революционных брожений 1905 и 1917 годов. См.: Русскоязычная литература о Канте (1803–1918) // Kant-online. Режим доступа: <https://kant-online.ru/o-kante/bibliografiya/raboty-po-filosofii-kanta-na-russkom-2/> (дата обращения: 30.11.2023).

глубочайшей философичности» [38. С. 116]. Феноменализм Канта описывается в категориях «железо-бетонного завоевания германского духа». А сам Кант называется «палачом старого и живого Бога», что неизбежно вело немецкое сознание к «великой мечте о земном владычестве и о захвате всех царств земных» [38. С. 118]. «Раскаты» кантовского категорического императива снимают «онтологические запреты», формируя «энергетизм промышленно-научно-философского напряжения» [38. С. 119]. Мускулатура воли запрашивает пушки для завоевания мира. Так Эрн обосновывает «глубочайшую философичность орудий Круппа». Метафорически, они являются «внуками философии Канта» [38. С. 120]. Орудия Круппа и философия Канта диалектически постулируют друг друга. В пушках — «энтелехия и душа». От Канта начинается процесс осознания германской идеи в ее милитаристской ипостаси, ведущей к «Круппам и Цеппелинам». По мысли Эрна к трагедии современной Германии привели «метафизическая спесь» Экхарта, которая пронизывает «наиболее оригинальные отделы „Критики чистого разума“». В Гегеле она раскидывается гениальным пожаром. В истекающем кровью Ницше переходит в трагическое безумие» [38. С. 123]. Пройдя научные, методологические, философские формы, оно фатально обрушивается в «милитаристическое буйство».

Обвинительной риторикой пронизан и доклад «Виновата ли германская культура?», представленный на заседании Петербургского Религиозно-философского общества Г.А. Василевским²¹. Через идеи Лютера, Канта, марксизма по мысли докладчика, сам «духовный строй» немецкого народа подчинены всеохватывающему принципу «отрицания действительности». В этом принципе реализуется отрицание церкви, поскольку именно церковь утверждает действительность. Религиозная парадигма германского протестантизма развернула человека от глубин церковной жизни к чистой субъективности. И Кант выступает «высшим теоретическим выразителем субъективизма в германской культуре», подчинившись «объективной принудительности религиозного опыта своего народа» [40. С. 136–138]. Философское отрицание действительности привело к милитаристскому ее отрицанию. В ход пошли пушки, с помощью которых германская культура намеревалась «стать во главе истории» [40. С. 143].

Так называемая славянофильская концепция войны Эрна и Булгакова вызвала дискуссии²², но в целом она отражала общий пафос вопроса об ответственности философа перед историей. Очевидно, что в круг ответственности включен и всякий, кто следует за его идеями, трактует их, строит на их основании мировоззренческие системы, в том числе, для преодоления, как пишет

²¹ Василевский Григорий Афанасьевич, член Религиозно-философского общества в Санкт-Петербурге (Петрограде). К сожалению, других сведений найти не удалось, кроме того, что проживал по адресу: Василевский остров, Большой прг., д. 91.

²² Звучали и голоса, которые призывали «возвратиться к идеям Канта вместо того, чтобы доказывать вечную воинственность <...> тевтонской расы» [41. С. 322].

Андрей Белый, границ «запада» и «востока». Если в 1904 г. Кант для него — это тот, кто привел философию к «плодотворному перерождению», кто открыл дорогу к «золотому горизонту счастья» и без кого мы еще века «плутали бы во тьме» [1. С. 1], то на фоне мировых потрясений войной и революциями «явление Канта» — это «картина стояния меж „востоком“ и „западом“». Преодоление этого противостояния «не в движении с „запада“ на „восток“, — ни — обратно», но в «свободу Христову» [42. С. 497]. Пафос формулы «преодоления Канта» входит в философский обиход²³.

Сегодня, с расстояния времени, кажется, что особое внимание к столетию смерти Канта в 1904 г. было ближе к символике празднования его Рождения. Кант в тот год был окончательно вписан в метрическую книгу русской философии. Со всей мерой его ответственности за все, что будет отныне происходить в философской семье.

Список литературы

- [1] *Белый А.* Критицизм и символизм: По поводу столетия со дня смерти Канта // *Весы*. 1904. № 2. С. 1–13.
- [2] *Глаголев С.С.* Религиозная философия Канта: (к столетию со дня его смерти). Харьков, 1904.
- [3] *Ивановский В.Н.* Памяти И. Канта: (По поводу столетия со дня его кончины): Речь, сказ. в заседании физ.-мат. о-ва при Казан. ун-те 13 марта 1904 г. Казань, 1905.
- [4] *Камбуров В.Г.* К столетию со дня смерти Канта: (Речь, произнес. 2 мая 1904 г. в годич. собр. Юрид. о-ва при Том. ун-те). Томск, 1906.
- [5] *Лопатин Л.М.* Учение Канта о познании (Речь, произнесенная на торжественном заседании Психологического Общества, посвященном памяти Канта, 28 декабря 1904 г. // *Вопросы философии и психологии*. 1904. Кн. 76. С. 1–19.
- [6] *Страхов Н.Н.* Кант, как великий учитель нравственности, [в сопоставлении с современными реформаторскими стремлениями к переоценке нравственных начал жизни]: Докл., прочит. в Харьк. отд. Рус. собр. 20 февр. 1904 г.: (По поводу исполнившегося столетия со дня смерти Канта). Харьков, 1904.
- [7] *Тихомиров П.В.* К столетию смерти Канта (1804–1904). I. Личность Канта в изображении его современников // *Богословский вестник*. Сергиев Посад, 1904. Т. 1. № 2. С. 317–335.
- [8] *Бердяев Н.А.* А.С. Хомяков как философ. К столетию со дня рождения // *Мир Божий*. Июль. 1904. С. 17–22.
- [9] *Лапшин И.* Фейербах, Людвиг // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. 1902. Т. XXXV. С. 424–427.
- [10] *Орлова Н.Х. Московчук Л.С.* Из истории Варшавских высших женских курсов (1909–1915): о преподавании философии и профессоре Е.А. Боброве // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2020. № 8. С. 100–106.
- [11] *Орлова Н.Х.* Евгений Александрович Бобров (1867–1933) // *Парадигма: Философско-культурологический альманах*. Вып. 39. СПб., 2023. С. 18–25.
- [12] *Бобров Е.А.* К столетней годовщине смерти Иммануила Канта (1804–1904). Варшава, 1904.

²³ См., напр.: [43].

- [13] *Круглов А.Н.* Философия Канта в России в конце XVIII — первой половине XIX веков. М. : Канон+, 2009.
- [14] Кант: pro et contra. Рецепция идей немецкого философа и их влияние на развитие русской философской традиции. Антология. Серия «Русский путь». СПб. : РХГА, 2005.
- [15] *Бобров Е.А.* Кант: философский этюд / подгот. текста и прим. Н.Х. Орловой // Парадигма: Философско-культурологический альманах. Вып. 39. СПб., 2023. С. 7–17.
- [16] *Филиппов М.М.* Эм. Кант: Его жизнь и философская деятельность: Биографический очерк М.М. Филиппова, д-ра философии Гейдельбергск. ун-та. СПб., 1893.
- [17] *Круглов А.* «В русской литературе Кант оставил более заметный след, чем в немецкой» [интервью 11 сентября 2017]. Режим доступа: <https://kant-online.ru/professor-aleksej-kruglov-v-russkoj-literature-kant-ostavil-bolee-zametnyj-sled-chem-v-nemetskoj/> (дата обращения: 30.11.2023).
- [18] *Круглов А.Н.* Русские свидетельства об Иммануиле Канте // Историко-философский ежегодник. 2008. С. 204–227.
- [19] *Joachim von zur Gathen.* Friederich Johann Buck: arithmetic puzzles in cryptography // Cryptologia. 2004. Vol. XXVIII. N 4. P. 309–324. <https://doi.org/10.1080/0161-110491892953>
- [20] *Круглов А.Н.* Раннее кантианство в России: И.В.Л. Мельман и И.Г. Буле // Кантовский сборник. 2010. Vol. 2. N 32. С. 39–51.
- [21] Дело о Профессоре Московского университета И.В.Л. Мельмане // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 2. Апрель-июнь. Отд. V. М., 1863. С. 86–120.
- [22] *Шевцов А.В.* Людвиг Генрих фон Якоб и его трактат // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2022. Т. 26. № 4. С. 835–850. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-4-835-850>
- [23] *Бобров Е.А.* Философия в России: Материалы, исследования и заметки. Вып. 1–6. Казань, 1899–1902.
- [24] *Якоб Л.Г.* Курс философии для гимназий Российской империи; Изданный от Главного правления училищ. СПб.: при Императорской Академии наук, 1811–1814.
- [25] Рассуждение о динамической системе Канта, произнесённое профессором Осиповским // Речи, говоренные в торжественном собрании Императорского Харьковского университета... 30 августа 1813 года. 1813. С. 3–16.
- [26] *Перевоицков В.М.* Речь, говоренная при торжественном открытии Императорского Казанского университета 5-го июля 1814 года. Казань, 1814.
- [27] *Бажанов В.А.* О роли идей И. Канта в развитии логики и университетской философии в России // Кантовский сборник. 2010. Т. 2. № 32. С. 52–59.
- [28] *Срезневский И.Е.* Рассуждения о разных системах нравоучения, сравненных по их началам / Говоренное в Торжественном собрании Императорского Казанского университета п.э. профессором Иосифом Срезневским. Казань, 1817.
- [29] *Минаков А.Ю.* М.Л. Магницкий как религиозный тип в царствования Александра I и Николая I // Христианское чтение. 2017. № 2. С. 174–202.
- [30] *Лодий П.Д.* Письмо министру народного просвещения А.С. Шишкову. 10 ноября 1825 // Фонд М.М. Сперанского. ОР РНБ. Ф. 731. №2310. Л.1.
- [31] *Соловьев Вл.* Кант // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 1895. Т. XIV. С. 321–339.
- [32] *Козлов А.А.* Генезис теории пространства и времени Канта. Киев, 1884.
- [33] *Челпанов Г.И.* Обзор литературы о трансцендентальной эстетике Канта. (1870–1900). Киев, 1900.

- [34] *Фляксбергер В.А.* Учение Канта о математике. Варшава, 1901.
- [35] *Фляксбергер В.А.* Философия Канта. Варшава, 1904.
- [36] *Воблый К.Г.* Проблема воспитания по Канту: (Очерки из истории педагогики). Варшава, 1904.
- [37] *Булгаков С.* Русские думы // *Русская мысль*. 1914. Кн. XII. С. 108–115.
- [38] *Эрн В.Ф.* От Канта к Круппу // *Русская мысль*. 1914. Кн. XII. С. 116–124.
- [39] *Зеньковский В.В.* Русские мыслители и Европа / подгот. текста и прим. Р.К. Медведевой. Вступ. ст. В.Н. Жукова и М.А. Маслина. М. : Республика, 1997.
- [40] *Василевский Г.А.* Виновата ли германская культура? // *Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). История в материалах и документах. В 3 т. Т. 3. 1914–1917. М. : Русский путь, 2009.*
- [41] *Слонимский Л.* Воинственная Германия и возврат к Канту // *Вестник Европы*. Пг., 1915. Кн. 3 (март). С. 317–322.
- [42] *Белый А.* Александрийский период и мы в освещении проблемы «Восток и Запад» (Чем был «Запад собственно») // *Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). История в материалах и документах : в 3 т. Т. 3. 1914–1917. М. : Русский путь, 2009. С. 476–497.*
- [43] *Трубецкой Е.Н.* Метафизические предположения познания: Опыт преодоления Канта и кантианства. М. : Путь, 1917.

References

- [1] Bely A. Criticism and symbolism: On the occasion of the centenary of Kant's death. *Vesy*. 1904;(2):1–13. (In Russian).
- [2] Glagolev SS. *Kant's religious philosophy: (on the centenary of his death)*. Kharkov; 1904. (In Russian).
- [3] Ivanovsky VN. *In memory of I. Kant: (On the occasion of the centenary of his death):* Speech, delivered in the meeting of the physical-mat. Society at Kazan University on March 13, 1904. Kazan: 1905. (In Russian).
- [4] Kamburov VG. *On the centenary of Kant's death: (A speech delivered on May 2, 1904 in the year of the meeting Jurid. Society at the Tomsk University)*. Tomsk; 1906. (In Russian).
- [5] Lopatin LM. Kant's doctrine of cognition (Speech delivered at the solemn meeting of the Psychological Society dedicated to the memory of Kant, December 28, 1904). *Voprosy filosofii i psihologii*. 1904;(76):1–19. (In Russian).
- [6] Strakhov NN. *Kant, as a great teacher of morality, [in comparison with modern reformist aspirations to re-evaluate the moral principles of life:* Speech delivered in Kharkov department of Russian Society. February 20, 1904: (On the occasion of the centenary of Kant's death). Kharkov; 1904. (In Russian).
- [7] Tikhomirov PV. On the centenary of Kant's death (1804–1904). I. The personality of Kant in the image of his contemporaries. *Bogoslovskij vestnik*. Sergiev Posad. 1904;1(2):317–335. (In Russian).
- [8] Berdyaev NA. AS. Khomyakov as a philosopher. To the centenary of his birth. *Mir Bozhij*. 1904;(7):17–22. (In Russian).
- [9] Lapshin I. *Feuerbach, Ludwig* In: *Encyclopedic dictionary of Brockhaus and Efron*. 1902;XXXV: 424–427. (In Russian).
- [10] Orlova NKh. Moskovchuk LS. From the history of the Warsaw Higher Women's Courses (1909–1915): on the teaching of philosophy and Professor EA. Bobrov. *Alma mater (Bulletin of the Higher School)*. 2020;(8):100–106. (In Russian).

- [11] Orlova NKh. Evgeny Alexandrovich Bobrov (1867–1933). *Paradigm: Philosophical and cultural almanac*. 2023;(39):18–25. (In Russian).
- [12] Bobrov EA. *On the centenary of the death of Immanuel Kant (1804–1904)*. Warsaw; 1904. (In Russian).
- [13] Kruglov AN. *Philosophy of Kant in Russia at the end of the XVIII — first half of the XIX centuries*. Moscow: Canon+ publ.; 2009. (In Russian).
- [14] Kant: pro et contra. *Reception of the ideas of the German philosopher and their influence on the development of the Russian philosophical tradition*. An anthology. The series “The Russian Way”. Saint Petersburg: RCHGA publ.; 2005. (In Russian).
- [15] Bobrov EA. Kant: a philosophical etude. *Paradigm: Philosophical and cultural almanac*. 2023;(39):7–17. (In Russian).
- [16] Filippov MM. *Em. Kant: His life and philosophical activity*: Biographical essay by MM. Filippov, Doctor of Philosophy Heidelberg University. Saint Petersburg; 1893. (In Russian).
- [17] Kruglov A. *Kant left a more noticeable mark in Russian literature than in German* (interview September 11, 2017). (In Russian). Available from: <https://kant-online.ru/professor-aleksej-kruglov-v-russkoj-literature-kant-ostavil-bolee-zametnyj-sled-chem-v-nemetskoj/> (accessed: 30.11.2023).
- [18] Kruglov AN. *Russian testimonies about Immanuel Kant*. In: *Historical and Philosophical Yearbook*. 2008. P. 204–227. (In Russian).
- [19] Joachim von zur Gathen. Friederich Johann Buck: arithmetic puzzles in cryptography. *Cryptologia*. 2004;XXVIII(4):309–324. <https://doi.org/10.1080/0161-110491892953>
- [20] Kruglov AN. Early Kantianism in Russia: I.V.L. Melman and I.G. Bule. *Kantian Journal*. 2010;2(32):39–51. (In Russian).
- [21] The case of Professor I.V.L. Melman of Moscow University. In: *Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University*. Book 2. April–June. Moscow: 1863. P. 86–120. (In Russian).
- [22] Shevtsov AV. Ludwig Heinrich von Jakob and His Treatise. *RUDN Journal of Philosophy*. 2022;26(4):835–850. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-4-835-850>
- [23] Bobrov EA. *Philosophy in Russia: Materials, research. and notes*. Issues 1-6. Kazan; 1899–1902. (In Russian).
- [24] Jacob LG. *Philosophy course for gymnasiums of the Russian Empire*; Published by the Main Board of Schools. Saint Petersburg: Publ. at the Imperial Academy of Sciences; 1811–1814. (In Russian).
- [25] A discussion on Kant's dynamical system, delivered by Professor Osipovsky. In: *Speeches delivered at the solemn meeting of the Imperial Kharkov University ... on August 30, 1813*. 1813. P. 3–16. (In Russian).
- [26] Perevoshchikov VM. *Speech delivered at the grand opening of the Imperial Kazan University on July 5, 1814*. Kazan; 1814. (In Russian).
- [27] Bazhanov VA. On the role of I. Kant's ideas in the development of logic and university philosophy in Russia. *Kantian Journal*. 2010;2(32):52–59. (In Russian).
- [28] Sreznevsky IE. *Reflections on different systems of moral teaching, compared by their principles*. Kazan; 1817. (In Russian).
- [29] Minakov AY. Mikhail Magnitsky as a Religious Type during the Reigns of Alexander I and Nicholas I. *Christian reading*. 2017;(2):174–202. (In Russian).
- [30] Lodiy PD. Letter to the Minister of Public Education A.S. Shishkov. November 10, 1825. In: M.M. Speransky Foundation. Manuscripts Department NLR. F. 731: No.2310; L.1. (In Russian).

- [31] Solovyov VI. *Kant*. In: *Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron*. 1895;XIV:321–339. (In Russian).
- [32] Kozlov AA. *The genesis of Kant's theory of space and time*. Kiev; 1884. (In Russian).
- [33] Chelpanov GI. *Literature review on Kant's transcendental aesthetics. (1870–1900)*. Kiev; 1900. (In Russian).
- [34] Flyaksbreger VA. *Kant's doctrine of mathematics*. Warsaw; 1901. (In Russian).
- [35] Flyaksberger VA. *Philosophy of Kant*. Warsaw; 1904. (In Russian).
- [36] Voblyi KG. *The problem of education according to Kant: (Essays from the history of pedagogy)*. Warsaw; 1904. (In Russian).
- [37] Bulgakov S. *Russkie dumy. Russkaya mysl'*. 1914;XII:108–115. (In Russian).
- [38] Ern VF. *From Kant to Krupp. Russkaya mysl'*. 1914;XII:116–124. (In Russian).
- [39] Zenkovsky VV. *Russian thinkers and Europe*. Moscow: Republic; 1997. (In Russian).
- [40] Vasilevsky GA. *Is German culture to blame? In: Religious and Philosophical Society in St. Petersburg (Petrograd). History in materials and documents. Vol. 3. 1914–1917*. Moscow: Russian Way; 2009. P. 134–144. (In Russian).
- [41] Slonimsky L. *Militant Germany and the return to Kant. Vestnik Europe*. 1915: 3 (March). P. 317–322. (In Russian).
- [42] Bely A. *The Alexandrian period and we are in the coverage of the problem of “East and West” (What was the “West itself”)*. In: *Religious and Philosophical Society in St. Petersburg (Petrograd). History in materials and documents. T. 3. 1914–1917*. Moscow: Russian Way; 2009. P. 476–497. (In Russian).
- [43] Trubetskoy EN. *Metaphysical assumptions of cognition: The experience of overcoming Kant and Kantianism*. Moscow: Put'; 1917. (In Russian).

Сведения об авторе:

Орлова Надежда Хаджимерзановна — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова, Санкт-Петербург, Россия; ведущий научный сотрудник, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия (e-mail: nadinor@mail.ru). ORCID: 0000-0002-3956-9574. SPIN-код: 5721-5772

About the author:

Orlova Nadezda Kh. — DSc in Philosophy, Professor, Saint-Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory, Saint-Petersburg, Russia; Leading Research Fellow Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia (e-mail: nadinor@mail.ru). ORCID: 0000-0002-3956-9574. SPIN-код: 5721-5772